

- ²¹ Рейтблат А. И. [Вступит. ст.] // Курочкин Г. Ф. Воспоминания старого букиниста / Предисл., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата // Книжное дело. 1994. № 5. С. 51.
- ²² Космовская М. Л. Николай Федорович Финдейзен (1868–1928) и его воспоминания // Рукописные памятники. СПб., 2004. Вып. 8. С. 7–52.
- ²³ Рогачевский А. Б. Между нами, книгопродавцами...: (Письма И. Т. Лисенкова И. И. Глазунову и Я. А. Исакову) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 1994. С. 46–49.
- ²⁴ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: Очерки по соц. и экон. истории XVI–XIX вв. / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1928. С. 105–128.
- ²⁵ Семенова А. В., Аксенов А. И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2007. С. 3–10.
- ²⁶ Аксенов А. И. Купеческие мемуары из собраний ОР РГБ: (Археогр. заметки) // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Обществ. строй. Культура: Сб. к 80-летию Ю. А. Тихонова. М., 2007. С. 290–302.

Д. Н. Шилов

МАТЕРИАЛЫ К «РУССКОМУ ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ НЕКРОПОЛЮ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАК ИСТОЧНИК БИОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ О РОССИЙСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ

Историкам, генеалогам и краеведам хорошо известны тома некрополей Москвы, Петербурга, северных губерний России, подготовленные и опубликованные в начале XX в. по инициативе видного историка и организатора науки великого князя Николая Михайловича¹. Издания эти ныне представляют собой уникальный источник сведений о дореволюционных деятелях Российской империи, поскольку подавляющее большинство описанных в них надгробий в настоящее время утрачено. Сбор и публикация данных велись по заранее намеченному плану, который не был выполнен до конца. Кроме Москвы и Петербурга, были опубликованы материалы только по северному региону — Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской и Ярославской губ.

Сбор материала для некрополей Москвы и Петербурга производился профессиональными учеными (В. И. Сайтовым и Б. Л. Модзалевским) в основном путем натуральных обследований кладбищ. Описать подобным же образом многие тысячи провинциальных погостов было невозможно, вследствие чего великий князь Николай Михайлович вошел по этому поводу в официальную переписку с руководством ведомства православного исповедания. Ее результатом стал указ Св. Синода от 29 ноября 1908 г., которым всем епархиальным начальствам и монастырям предписывалось организовать составление «списков лиц, погребенных в церквях и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий»². В марте 1910 г. указ был подтвержден, а по епархиям разослана инструкция, подробно разъяснявшая, какие именно сведения и о каких лицах требуются. В ней были указаны восемь категорий лиц, подлежащих внесению в будущее издание. Шестая и седьмая («Лица, принадлежащие к местным старым купеческим родам» и «Лица, известные благотворительностью, основатели благотворительных и просветительных учреждений и наиболее крупные жертвователи») предполагали присылку сведений о купечестве. Отчасти последнее попадало и в пятую категорию, где числились деятели земского и городского самоуправления, «банковые и вообще финансовые деятели, директора и члены наиболее крупных торговых-промышленных фирм, фабриканты, железнодорожные деятели»³.

Собранные сведения предписывалось препровождать непосредственно в Управление делами великого князя в Петербурге. Работу по рассмотрению присылаемых донесений и переписке с их составителями великий князь поручил двум профессиональным архивистам — А. А. Гоздово-Голомбиевскому и В. В. Шереметевскому.

В организации работы создатели «Русского провинциального некрополя» столкнулись с серьезными трудностями. Действовать приходилось бюрократическим путем, посылая постоянные напоминания и разъяснения. Главный и неизбежный недостаток сотрудничества с местными причтами (а именно они явились непосредственными исполнителями описаний на местах) заключался «в невозможности проверить добросовестность составителей донесений». В своем отчете о ходе работ над «Русским провинциальным некрополем» за 1910 г. Шереметевский отмечал в присланных материалах нередкие «случаи явной небрежности: донесения пишутся очень неразборчиво, криво, на клоч-

ках, с ошибками в титулах; во многих донесениях заметно недобросовестное стремление отписаться во что бы то ни стало от неприятного поручения»⁴. Часть священнослужителей неверно поняла требования властей: вместо дословного изложения надгробных надписей с биографическими сведениями о похороненных присылались архитектурные описания памятников; другие полагали излишним включать в донесения женщин, детей, родственников бывших хозяев усыпальниц; третьи считали целью организаторов «Некрополя» сбор эпитафий и на этом основании не присылали надписи, содержащие только даты рождения и смерти, полагая их «обыкновенными». Более добросовестны оказались списки, присланные сельскими священниками; духовенство же крупных городских центров (например, Харькова, Одессы), не желая обследовать местные многотысячные кладбища, ограничивалось несколькими десятками фамилий и в ответ на присылаемые запросы, «что должны быть еще покойники», упорно твердило, «что покойников больше нет».

Как уже указывалось, издан был только один том, но материал для всех последующих был также собран. По-видимому, основная его часть сохранилась в фондах РГИА в Петербурге и РГАДА в Москве. Списки погребенных составляют более 60 дел размером от нескольких десятков до сотен листов. Общий объем содержащихся в них имен по предварительным подсчетам достигает 51,5 тыс.

Методика их обработки Шереметевским была следующей: материалы рассматривались (в случае неполноты отсылались обратно с вопросами), распределялись по губерниям, размечались, нужные сведения выписывались на карточки. После этого те куски донесений, которые были слишком обширны для переписки, но удобны для вырезки, вырезались и вставлялись в общий алфавитный ряд. Параллельно происходила выписка сведений из печатных источников. По окончании обработки всех предполагаемых источников информации собранная масса карточек распределялась по буквам, а затем по слогам и выстраивалась в общий алфавитный ряд. Исползованные подлинники не сохранялись.

Сохранившаяся на подлинных донесениях разметка Шереметевского показывает, что отбор материала для публикации был весьма жестким: отсутствие дат, имени-отчества, фамилии, указания на сословную принадлежность, чин приводило к тому, что лицо исключалось из будущего издания. Поскольку во главу угла при отборе персон составителями был поставлен «сословно-генеалогический» принцип, то почти не попадали в предположенные к публикации списки захоронения крестьян, солдат, незначительных мещан, диаконов, причетников, псаломщиков и т. д. Как следует из отчета за 1910 г. и анализа редакторской разметки, не интересовали составителя и различные мелкие историко-бытовые подробности, содержащиеся в присылаемых донесениях: анекдоты, характеристики, дополнительные данные о жизни погребенных, памятниках, церквях.

Купечество в отношении включения в будущее издание находилось в промежуточном положении. Безусловно попадали в него те лица, на сословное положение которых в донесениях существовали прямые указания: «купец», «купец такой-то гильдии» и проч. Члены же семей купцов (жены, вдовы, дети) — далеко не всегда, а при отсутствии прямого указания на родство с купцом — обычно исключались из издания. В целом, по очень приблизительным подсчетам доля купечества в сохранившихся в архивах подлинных донесениях из великороссийских губерний колеблется в промежутке 7–10 % от общего количества имен.

Большинство присланных из епархий надгробных надписей на могилах купцов и их родственников содержали сведения лишь о времени их жизни и краткое указание на общественный статус. Часто к тексту эпитафии присоединялось описание памятника:

«Памятник в виде пирамиды, мраморный, серого цвета. На лицевой стороне надпись: *“Под сим камнем покоится тело купеческой жены Матроны Моисеевны Богдаринной, скончавшейся 21 февраля 1904 года, жития ее был 81 год”*»⁵.

Иногда надгробная надпись излагала обстоятельства кончины и погребения, краткие биографические сведения:

«Памятник в виде гробницы, сложенный из кирпича, и на ней лежит плита из серого камня с надписью: *“Здесь погребено тело костромского купца Михаила Федоровича Солодовникова, ехавши с ярмарки от Макарья скончався 3 августа 1806 года, жития его было 47 лет и 7 месяцев”*»⁶.

«Здесь погребено тело балахнинского купца и степенного гражданина Александра Алексеича Плотникова. Родился 1825 года 9-го марта, скончался 1884 года 2-го октября. Прослужил церковным старостой при сей церкви с 1857 года в продолжении 27 лет. Жития его было 59 лет 7 месяцев (на лицевой стороне). Погребение совершал преосвященный Макарий епископ Нижегородский и Арзамасский 1884 года 5 октября (на обратной стороне)»⁷.

Об Иване Петровиче Попове, не имевшем надгробной надписи, причт доносил от себя: «Богатый купец, церковный староста кладбищенской церкви, благоустроитель кладбища. Намеревался вы-

строить великолепный храм, выправлен был уже план; но, застрелившийся, не привел своего намеренья в исполнение»⁸.

Многие донесения содержат подробную информацию о благотворительной деятельности купечества.

Так, о камышинских купцах Егоре Петровиче и его сыне Михаиле Егоровиче Ковалевых причт сообщал, что усердием первого «сделан придел в Соборном храме в честь св. вел[икомученика] Георгия, им же пожертвовано в три церкви г. Камышина на вечное поминовение пять тысяч рублей»; и что по старанию второго «положено основание собора (нового), устроена ограда Никольской церкви, устроена богадельня в г. Камышине, а также устроен на его иждивение в Вознесенском соборе г. Камышина придел во имя св. великомученика Пантелеймона»⁹. О погребенном в Елабуге рядом со знаменитой Н. А. Дуровой купце 1-й гильдии и городском голове Феодоре Прохоровиче Гирбасове указывалось: «Благотворитель, преимущественно на дело народного образования. Выстроил на свои средства богатые здания для ремесленного училища, училища слепых, несколько зданий для начальных земских школ, две ц[ерковно]-приходских школы, обеспечивший последние, оставив капитал на содержание их 20000 руб. Вложил солидный капитал в Благотворительный комитет г. Елабуги, дабы % с сего капитала выдавать на дела благотворения. <...> Выстроил большой каменный дом для отделения душевнобольных, стоивший более 10 тысяч»¹⁰.

Нередко отсутствие информации на надгробии восполнялось местным преданием.

Так, причт Архангельской церкви села Городец Балахнинского у. Нижегородской губ. писал, что для него «имеет значение и дорог самый обыкновенный (из каменных плит и без надписи) памятник умершего (1896 г.) прихожанина и церковного старосты балахнинского купца Константина Васильева Кузнецова тем, что и в малую бытность свою церковным старостою он, Кузнецов, для Архангельской церкви (для ее благоустройства внешнего и внутреннего ризницею и утварью) пожертвовал из своих средств до десяти тысяч рублей»¹¹.

Особенно интересны в различных аспектах немногочисленные, к сожалению, надгробные надписи XVIII столетия. Таково, например, описание памятника жены и детей московского купца Гостиной сотни Петра Федоровича Козмина, похороненных при Воскресенском соборе Вятки. Умершая в 1715 г. Анна Симеоновна Козмина была первоначально погребена в церковной ограде, «потом, когда у собора была сделана пристройка, могила ее оказалась под колокольней». Часть же надгробного памятника с надписью была вложена в стену на паперти собора и представляет собой любопытный образец старинной эпитафии:

*«Стани zde, человеце, и ко гробу сему присмотрися,
Яко мати с детми в месте сем положися,
А с нею два суцци — сын Григорий и дщерь Мария,
Но не зрелых младенцев прияла сия могила,
А по них умре и мати, Симеонова дщерь, Анна
Сия, юже нечаянно постиже смертная година,
Супруга бывшая московского купца Гостиной сотни
Петра Федорова, прозванием Козмины,
Живши в девстве 18 лет 4 месяца и 17 дней,
С мужем 14 лет и 1 месяц, 5 дней,
Оставивши сей маловременный свет 1715 года,
Юже восхити отсюда смертная невзгода,
На память преподобного отца нашего Ануфрия великого,
Ко Господу всех Творцу Богу судьбами тако изволившу,
В 12 часу дни, в последней четверти из тела темницы изведу.
Молю всех чтущих помолитися Господу Богу,
Да изволит сих вселити в царствие небесное и радость премногу»¹².*

Другая купеческая надгробная надпись XVIII в. (на наружной стене церкви в Желтоводском Троицком женском монастыре в Макарьевском у. Нижегородской губ.) представляет собой краткое стихотворное жизнеописание:

«Любезный ближний мой, что зришь на камень сей, Иль хочешь знать, кто я? Кем в жизни был моей? Купцом иркутским именовался. Благочестивыми родители рожден, С которыми теперь стал вовсе разлучен. По обычайному купеческому долгу Приехал я сюда для производства торгу, Потом случилось так, что странною судьбой Мне суждено здесь смертный взять покой. И беременная плоть моя, волнами измовенна, Лежит под камнем, навеки сокровенна. Тебя, взирающий, душой моей

прошу Пролить усердно к всевышнему Творцу... неразборчиво¹³. Родился в Иркутске 1770 г. 20-го июня, утонул у Макарья 1794 г. июля 30-го».

Стихотворные эпитафии XIX столетия, особенно его второй половины, более просты и стандартизированы.

«Здесь прах покоится отца, Носившего ярем Христов, От юных лет и до конца Под игом жизненных крестов. Его началом бытия Был горький крест сиротства С дней юных жития Лишен он был довольства. Еще быв юный и без сил, Но с упованием на Бога, Он всякий труд переносил, Везде ему была дорога: Земным он плугом управлял, Заволжский путь происпытал, Долг семьянина исполнял, Сирот своих он воспитал. За то и Бог его благословил, Детьми и счастьем наградил, Путем торговли честной В звание купца возвел, В награду ж жизни крестной Его в небесно царство ввел» (памятник орловского [Вятской губ.] купца 3-й гильдии Василия Гавриловича Лобастова)¹⁴.

«Балахнинский купец Матвей Гаврилович Митюков, скончался 20 ноября 1880 года, жития его было 56 лет» (на лицевой стороне). *«Здесь покоится раба Матвея прах. При жизни никому пощивший не был враг, И жизнь его была пример для многих, Для семьянина, гражданина и купца. За любовь и доброту его ко всем Провидение удостоило его мирного конца, Счастливо устроив семью его во всем»* (на восточной стороне)¹⁵.

Описания родовых погребений российских купцов нередко представляют собой целые семейные истории, где строчки надгробий существенно дополняются сведениями местных преданий. Как пример, приведем донесение, в котором содержалась информация об известных слободских (Вятской губ.) купцах Анфилатовых. Здесь и своеобразные стихотворные эпитафии XVIII в.:

«Деревни Вагинской жилаец, Крестьянин, суций земледелец, Четвертый сын Феофилактов Иван лежит здесь Анфилатов, Стал зритель божиего света С семьсот одиннадцатого лета, День именин своих творя Святить седьмого генваря. Здесь шестьдесят шесть лет он тцался Согласно вере жить святой, В десятый марта день скончался, В год семьсот семьдесят седьмой. По нем два сына и три дочери, Оставшись, молятся Творцу: “Отверзи, Боже, неба двери Отшедшему от нас отцу”. В 1777 году марта 10 дня».

И обычные сухие строки надгробия:

«Марианна Феодорова жена Ивана Анфилатова, упокоилась 75 лет, после христианской непостыдной супружеской жизни».

И исторические сведения о торговой деятельности и благотворительности:

«1791 году сентября 10 дня. Лежа безгласным, камень сей Мимоходящим объявляет, Что Анфилатов Алексей Здесь во гробе почивает. Деревни Вагинской жилаец, Потом был слободской купец И бедным помогал в крестьянстве, И строил он сей храм святой, Две службы совершил в гражданстве, В год помре пятьдесят шестой. Родился в 1735 года марте месяце, тезоименитство его 17-го марта». «Алексей Иванов Анфилатов, — сообщали далее от себя члены причта, — строитель замечательного по своей архитектуре Благовещенского храма, украсивший церковь новым оригинальным железным паникадиллом и пожертвовавший всю утварь церковную, составил громадный по тогдашнему времени капитал от хлебной торговли».

И драматические истории:

«Здесь покоится тело Александра Алексеева сына Анфилатова с 1758 года 23 ноября. Жизнь его прекращена на 27 году злодейским образом. Работник Марихин в гумне немилосердно и бесчеловечно в грудь ножом пронзил и в одну минуту его умертвил, за что убийца жестоко наказан и в ссылку сослан».

Завершался же перечень семейных погребений Анфилатовых местным преданием из истории рода:

«Род Анфилатовых замечателен тем, что из простых крестьян они сделались купцами города Слободского ради своей предприимчивости: вели хлебную торговлю с юго-восточными губерниями России, с Сибирью и даже с английскими купцами. Один же из них, Ксенофонт Алексеевич, “на пользу своих слободских граждан” основал Общественный банк. Представляя из себя богатырскую, крепкую, вполне русскую натуру, Анфилатовы отличались от прочих крестьян своим громадным ростом и своею тучностью и силою. В настоящее время род Анфилатовых еще не очень измельчал, и все они рослые и сильные. Известно, например, что Василий Иванович Анфилатов, внук строителя храма Алексея Ивановича, весом был 12-ть пудов, а пятипудовый мешок муки, не завязанный, взявши за устье (верх мешка), обносил кругом себя три раза, не усиливаясь: память об этом еще так жива в народе. Все Анфилатовы многосемейны. <...> Все памятники на их могилах сделаны из цельной опочной плиты, лежащей формы, украшены обыкновенными вырезными крестом, копьём и губкой на

трости, по бокам обведены лавровыми венками из того же камня, ото времени надпись уже местами стерлась совсем»¹⁶.

В целом, приведенный материал демонстрирует, что подлинные списки и донесения для «Русского провинциального некрополя» — гораздо более содержательный и насыщенный источник по биографии, генеалогии, быту и культуре российского купечества, нежели выбранные из них данные, опубликованные в изданных томах некрополей великого князя Николая Михайловича. В настоящее время ведется подготовка к изданию первого тома «Материалов к “Русскому провинциальному некрополю”», в который войдут данные по шести губерниям Поволжья — Астраханской, Вятской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской. В соответствии с принятыми принципами публикации в нем будут отражаться не только все биографические, архитектурные, бытовые и культурно-исторические подробности, отсекавшиеся в изданиях начала XX в., но и воспроизводиться содержащиеся в донесениях подлинные надгробные надписи, представляющие как несомненный исторический, этнографический, литературоведческий интерес, так и мемориальное значение для возможного восстановления надгробных памятников, ныне почти повсеместно утраченных.

Примечания

¹ Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. 1–3; Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.

² РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1103. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Л. 21 об.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 5 об. Здесь и далее курсивом даны подлинные тексты надгробных надписей.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 246.

⁹ Там же. Л. 113.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 22. Л. 7.

¹² Там же. Д. 9. Л. 11.

¹³ Примечание составителя донесения.

¹⁴ РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 9. Л. 92.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 55. Л. 239–240.

А. В. Мельников

«ЗАПИСКИ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЧАЛОВА» — МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1870–1880-х гг.

В 1870–1882 гг. главным учреждением по управлению таможенным делом и карантинной частью в Российской империи — Департаментом таможенных сборов Министерства финансов руководил тайный советник (с 1875 г.) Николай Александрович Качалов (1818–1891). Он принадлежал к старинному дворянскому роду, внесенному в родословную книгу Новгородской губ. В 1836 г. Качалов по семейной традиции окончил Морской кадетский корпус и, прослужив во флоте до 1845 г., в чине капитан-лейтенанта вышел в отставку, после чего поселился в своем имении в Белозерском у. Новгородской губ. В 1854–1862 гг. он состоял в должности по выбору предводителя дворянства Белозерского у., а 1865 г. был избран председателем открывшейся первой Новгородской земской губернской управы и избран депутатом от дворянства. Особенно деятельно в эти годы Качалов проявил себя в организации мероприятий по улучшению народного здоровья и школьного дела. В должности председателя управы он участвовал в работах учрежденной под председательством наследника цесаревича (будущего императора Александра III) комиссии по доставлению помощи жителям северной России, пострадавшим от неурожая. В 1868 г. Качалов был произведен в действительные статские советники, а 24 мая 1869 г. назначен архангельским губернатором. В выпавший короткий срок управления губернией он сумел подробно исполнить данное ему императором Александром II распоряжение изучить состояние экономики северного края и высказать свои предположения по улучше-